

ПРОБЛЕМА ТРАНСЛЯЦИИ ДЕТСКИХ РЕЧЕВЫХ ИСКАЖЕНИЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

С. В. Омеличкина

TRANSLATION OF CHILD CONTAMINATED SPEECH IN LITERARY DISCOURSE

S. V. Omelichkina

В статье представлен поуровневый анализ наиболее типизированных отклонений от нормы в детском дискурсе, а также тактики трансляции детской речи на русский язык. Речевая деятельность детей, отраженная в пространстве художественного произведения, репрезентируется лишь отдельными элементами и подвергается авторской стилизации. Качественный перевод контаминированной детской речи на русский язык с целью воссоздания речевого портрета ребенка остается важной проблемой теории и практики перевода.

The paper presents a study of typical deviations from the norm in child speech on various levels of the English language. It is argued that the child discourse in a literary work is represented by only a limited range of specific elements and is subject to the author's stylization. Since speech peculiarities are a crucial constituent of a literary character, an adequate translation of child contaminated speech is still a challenge for both theory and practice of translation.

Ключевые слова: детская речь, контаминация, инновация, художественный дискурс, адекватный перевод, трансформации.

Keywords: child speech, contamination, innovation, literary discourse, translation adequacy, translation shifts.

Изучению лингвистических аспектов детской речи (ДР) посвящена весьма обширная специальная литература на материале различных языков и типов дискурса (Дж. Брунер, А. Н. Гвоздев, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, А. Р. Лурия, С. Н. Цейтлин, К. И. Чуковский и др.). Первые целенаправленные описания детской речи начали осуществляться в формате дневниковых записей в середине XIX века. В первой половине XX века в отечественной науке получает развитие психологическое направление изучения ДР, вслед за этим появились разработки психолингвистических и собственно лингвистических методик, которые предложили рассматривать детскую речь как деятельность, отличающуюся использованием специфических средств коммуникации. Современные исследования этапов развития речи и коммуникативного поведения ребенка характеризуются интегрированным подходом, опирающимся на эксперименты и наблюдения из области психологии, физиологии, социологии, психолингвистики, искусственного интеллекта и других наук. Исследуется речь детей в стандартной норме, а также в условиях двуязычия и патологии по различным критериям: возраст, способ речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо), влияние экстралингвистических факторов.

Детская речь представляет собой ранний этап онтогенеза речи человека, а, именно, ребенка дошкольного и младшего школьного возраста. Она имеет ряд языковых характеристик, которые обусловлены возрастными свойствами мышления детей: образование нерегулярных грамматических форм по регулярным моделям; своеобразный синтаксис; высокая степень эмоциональности речи, выраженная частотным использованием междометий, звукоподражаний и иррациональных звукосимволических единиц; окказиональное словопроизводство; диффузность употребления лексем. Важным фактором экспрессивности детского общения являются невербальные средства – интонация, мимика, жесты.

Трактовка феномена детской речи сугубо в лингвистическом плане, по мнению ряда ученых, значительно сужает предмет исследования и не позволяет рассмотреть его в контексте «глубинных» процессов психического развития ребенка: «усвоение детьми языка не есть приспособление слов, их складывание в памяти и оживление с помощью речи, но развитие языковой способности с возрастом и упражнением» (В. Гумбольдт). В рамках психолингвистического подхода к изучению детской речи выявлена принципиально важная закономерность ее развития: формирование грамматических и семантических обобщений в процессе предметной деятельности и общения ребенка, что позволяет очертить ‘компоненты языковой способности’ – систему иерархически организованных языковых элементов (на фонетическом, лексическом, грамматическом, семантическом уровнях), а также правил их функционального использования [6].

Важнейшую роль в накоплении компонентов языковой способности играет окружающая среда, в которой растет и развивается ребенок. В то же самое время, речевые особенности становятся наиболее яркой составляющей портретной характеристики языковой личности. В связи с этим, интерес представляет изучение особенностей детской речи в художественном дискурсе. Известно, что речь детей, отраженная в пространстве художественного произведения, «отличается от естественной детской речи тем, что репрезентирует ее не полностью, а только лишь отдельными элементами, иными словами, она подвергается авторской стилизации, что создает впечатление ее реальности, достоверности» [4].

В настоящем фрагменте исследования рассматриваются наиболее типизированные отклонения от нормы в детском дискурсе, а также тактики трансляции детской речи на русский язык. Следует отметить, что такая важная проблема, как качественный перевод ДР на русский язык с целью воссоздания речевого портрета ребенка, все еще остается на периферии переводо-

ведческих исследований. Известно, однако, что детский персонаж является весьма частотной составляющей как художественных, так и аудиомедиальных произведений (фильмов, спектаклей, рекламы). Понимание его речи, стилизованной автором, может, подчас, представлять трудность даже для носителей языка.

С целью сохранения портретных характеристик перед переводчиком стоит задача не только содержательно точно декодировать речь ребенка, но и адекватно транслировать ее с учетом особенностей видов контаминации в языке перевода. По замечанию авторов книги «Непереводимое в переводе», переводчик, с одной стороны, имеет право выбрать любую форму или синтаксическую конструкцию из нелитературных источников, а, с другой, он всегда подчинен воле автора, он должен дать понять читателю, что в данном случае речь ненормативна, и воссоздать соответствующую атмосферу. Чтобы передать детские окка-

зиональные неологизмы, требуется талант и находчивость переводчика. Исследователи призывают переводчика быть осторожным, экономным и стараться «попасть в тон» с автором: «коверкание» должно соответствовать детскому языку на ПЯ, – малейшее утрирование может погубить эффект» [1].

Рассмотрим способы и языковые средства передачи детской контаминированной речи в пространстве англоязычного художественного произведения С. Cookson "A Grand Man" и фильма "To Grandmother's House We Go" (1992 г.). Систематизация речевых искажений осуществляется в соответствии с иерархической организацией языка, что предполагает поуровневый анализ идентифицированных отрезков дискурса.

Фонетические характеристики речи детей. Среди фонологических отклонений наиболее частотными в изученных отрезках оказались замены гласных/согласных фонем и звуковая элизия. Ср.:

<i>Mommy, you know we can't <u>w</u>ead (GHWG).</i>	Мама, ну, <u>ты же знае</u> с, <u>сто</u> мы не умеем читать.
<i>What's <u>uncle Rudolf</u> <u>w</u>eally like? (GHWG)</i>	Какой он, этот дядя <u>Лудолф</u> ?

Выборка также включает случаи фонологической замены типа [f] вместо 'th' (*thing--fing*), [d] вместо 'th' (*then--den*), [t] вместо того звука, с которым у ребенка есть проблемы (*song -- tong*), [w] вместо 'l' (*look--wook*), [d] вместо 'sh' (*ship -- dip*). Как свидетельствуют наблюдения исследователей, наиболее устойчиво произносительная трудность проявляется в отношении сочетания 'th' и буквы 'r' (в среднем, до 6 лет).

Интерес представляет разновидность субституции – случаи так называемой гармонизации (ассимиляции) согласных/гласных, стоящих по соседству в тесном звуковом ряду: *Give me it -- Gimme it, kittycat -- tittytat, cute pussy -- coote pussy* (ср. также рус. Саша – Шаша).

Весьма распространенным средством репрезентации детской речи в художественном дискурсе является сокращение согласных. Ср.:

<i>I'll slap your face, so I will, if you dare say me <u>da</u> drinks (GM).</i>	Я двину тебе, так и знай, если ты будешь <u>в</u> лать, <u>сто</u> мой папа пьяница.
<i>She pushed and '<u>ca</u>red 'em, I saw it myself! (GM)</i>	Она толкнула и ' <u>спугала</u> их, я видела собственными глазами!

Последний пример представляет собой, по терминологии С. Н. Цейтлин [5], сокращение кластера, т. е. группы соседних согласных (*scared*). А. Н. Гвоздев также отмечает, что артикуляция двух и более согласных в инициальной позиции дается детям труднее, чем в середине слова, объясняя это тем, что в начале слова согласные входят в один и тот же слог, а в середине позиции они могут распределяться между двумя слогами, что облегчает произношение [2].

Несомненно, причина фонологической контаминации кроется в недостаточной развитости фонологического слуха и ограниченных артикуляционных способностях ребенка на начальном этапе речевого онтогенеза. Вполне закономерно, что наиболее точно имитируются ударные слоги, т. к. они обладают большей произносительной четкостью.

Специфика фонетического оформления речи детей в произведениях ставит перед переводчиком непростую задачу поиска адекватных переводческих решений. Сопоставительный анализ показывает, что весьма редко удается подобрать соответствие, аналогичное речевому искажению оригинала – и по его качеству, и по позиции в слове. В связи с этим, трансляция звуковой контаминации, как правило, сопряжена с трансформациями, предполагающими большую изобретательность переводчика. В приведенных выше примерах преобладающей

тактикой является фонологическая замена звуков исходного языка на звуки, типичные для детской речи в языке перевода: 'р – л', 'ж – з', 'ш – с' и т. д. Адекватно перевести случаи сокращения согласных возможно, как правило, посредством переноса данного искажения с одного элемента текста на другой, ср.: *da (dad)* – влать (врать). Попытки сохранить позицию контаминации зачастую приводят к неестественному звучанию речи и ее надуманному построению. В целом, отметим, что подобный орфографический способ экспликации особенностей детской речи в художественном контексте ИЯ и ПЯ передает звуковое оформление реального детского дискурса стилизованно и лишь приблизительно.

Лексико-морфологические особенности детского художественного дискурса. Как утверждают исследователи, специфика детской речи определяется, прежде всего, не полным знанием строевых черт родного языка, с одной стороны, а с другой, – слепой наивной верой ребенка в строгую модельность языка. Отсюда творчество ("словообразовательные инновации") по усвоенным моделям [5]. Автор также справедливо отмечает, что причины подобных модификаций – не только свойственная детям любознательность, а, прежде всего, стремление к систематизации языковых фактов, облегчающей их усвоение и запоминание. Такое словотворчество, по сути дела, свидетельствует о по-

ребенка ощущать симметричность знака, при которой форма должна коррелировать с содержанием. В связи с этим, инновационное словообразование является активным процессом в детской речевой деятельности вплоть до школьного этапа и лишь затем постепенно сходит на нет [4]. Отметим и еще одно важное наблюдение лингвистов и психологов – то постоянство, с которым разные дети одинаковыми способами нарушают одни и те же правила, и они весьма последовательны в своих промахах. По меткому замечанию С. Н. Цейтлин [5], «это значит, что должно существовать правило для нарушения правил».

Осваивая различные уровни в строе языка, ребенок опирается на аналогии моделей, особенно наиболее продуктивных, которые функционируют в языке

1. Префиксальные образования:

<i>Oh, Sarah, you can't speak that way. That was very un-polite (GHWG).</i>	Боже, Сара, разве можно так разговаривать – ну, совсем пре-невежливо .

Автор фильма наделяет речь своих героинь новообразованиями, типичными для дискурса пятилетних детей, но не выходящими за рамки актуальных моделей (*un-polite* образовано по аналогии с *unreal, uneasy*, etc.). Вариант перевода представляет собой

взрослых. Так, исследуя детские словообразовательные инновации, психолог Т. Н. Ушакова [3] выделяет три основных принципа, по которым дети образуют новые слова в естественном общении: а) часть слова используется как целая единица ("осколки слов"): *chicken nuts* :: *chicken nuggets*; б) к корню одного слова прибавляется окончание другого ("чужие" окончания): *cute-iful* :: *cute + beautiful*; в) одно слово составляется из двух ("синтетические слова"): *poorigami* :: *poor + origami*.

Рассмотрение словообразовательных контаминантов в авторских художественных дискурсах свидетельствует о наибольшей продуктивности словотворчества детей по следующим моделям.

формообразующую инновацию (**пре-невежливо**), и, как очевидно, адаптирует речевое искажение в соответствии с традицией переводного языка, используя средство другого уровня (префикс 'пре-' как формант превосходной степени наречия).

1. Суффиксальные образования диминутивной семантики:

<i>Da, where's my bookie? I see no any bookie on me table (GM).</i>	Где моя книзечка , па? На моем столе ничего нету.

Уменьшительно-ласкательная номинация всегда являлась типичной формой обращения взрослых к детям, и, таким образом, модель такого рода 'на слуху' у ребенка с самого рождения, что делает ее доступным образцом для подражания. В приведенном дискурсивном отрезке, кроме диминутивной суффиксации, наличествуют и другие искажения, коррели-

рующие с иными языковыми уровнями, которые будут рассмотрены ниже. В связи с этим, тактика переводчика состояла не только в использовании фонетической замены (*ж – з*), но и в замене двойного отрицания *no any* просторечным элементом 'нету'.

1. Инновационные единицы, полученные основоположением:

<i>Don't come your hoity-toity with me, Sarah Flanagan. It won't wash (GM).</i>	Подумаешь, какая мадам Фу-Фу нашлась. Воображала – хвост поджала!

В данном случае речевое творчество героини младшего школьного возраста представлено иррациональной звуко-символической номинацией *hoity-toity*, что, по-видимому, обусловлено ее желанием усилить эмоциональную оценку поведения соперницы. Отме-

тим, что редупликация как разновидность модели словосложения проявляется в актуальной речи детей с самого раннего возраста, в силу легкости воспроизведения и тенденции к фонетической адаптации, о которой говорилось выше. Ср. также:

<i>.. we've got three servants and two cars and two itty-bitty steeds... galloping ones (GM).</i>	... а еще у нас есть три слуги и две машины, а еще две масюсенькие лошадки, которые резво скачут...

Переводческая стратегия в отношении редулицированных контаминантов также базируется на технике трансформаций, т. к. нахождение эквивалентов в языке перевода, практически, невозможно. В первом из рассмотренных примеров перевод осуществлен на уровне цели коммуникации (см. модель В. Н. Комиссарова), когда содержательная составляющая текста оригинала полностью не совпадает с текстом перевода. Наряду с редуликативом (*Фу-Фу*) автор перевода использовал прием на уровне фонемного сходства – рифму (*воображала – поджала*), что, как представляется, позволило весьма адекватно передать

прагматику высказывания. Во втором отрезке дискурса вместо редулицированного прилагательного переводчик вводит диминутив, построенный на фонетической гармонизации (*масюсенькие*).

2. Семантическое расширение, т. е. использование лексем в сферах, коррелирующих с расширенным кругом денотатов [5]:

– I love you bigger. – No way! – Yes way! (GHWG)	– Я тебя люблю большее. – А вот и нет! – А вот и да!

Фрагмент детского дискурса включает прилагательное (*bigger*), которое в норме не может функционировать в данном контексте в силу сложившихся в языке валентностей данной единицы. Ее использование автором стилизует речь маленькой героини, а последующая тонкая игра слов прагматически маркирует весь диалог сестер, передавая атмосферу дружеского общения, пронизанного легкой иронией и

пониманием друг друга с полуслова. Представляется удачным выбор переводческого соответствия для контаминанта (*большее*), которое имеет словообразовательную аналогию с прилагательным *‘сильнее’* и не вызывает сомнения относительно естественности подобного речевого искажения в речи детей.

3. Полные лексические инновации:

Would you like a stot of me ball, Mary Ann? (GM)	А хочете, Мэри Энн, поиграть с моим мячиком?

Как и в ряде других фрагментов выборки, здесь наличествует не одно речевое искажение, что усиливает эффект стилизации речи персонажа и требует большей изобретательности со стороны исполнителя перевода. Элемент *‘stot’* не имеет лексикографической фиксации, и, следовательно, лишен русского соответствия. Кроме того, высказывание содержит неуместное местоимение *‘me’* (вместо *tu*), что нарушает правила грамматического согласования в языке оригинала. Трансляция данных контаминантов произведена посредством переноса искажения на более типичное слово, часто употребляемое в некорректной форме (*хочете*). Отмечена также замена лексической

инновации в ИЯ на фонетическое искажение (*поиграть*) в ПЯ.

Детские речевые искажения на грамматико-синтаксическом уровне. По мнению О. А. Кобриной, так как морфологические признаки в большинстве своем английским языком утеряны, и часть их функций выполняется синтаксисом, англоговорящие дети начинают овладевать родным языком с синтаксиса. В исследованных источниках грамматические и синтаксические искажения детских персонажей представлены следующими типами.

1. Нарушение правил образования степеней сравнения прилагательных/наречий:

Mike Shaughnessy is working the morrer-overtime till five (GM).	Майк Шонесси должен работать сверхурочнее до 5 часов.
For the moment she felt very happy. Father Owen was the bestest man in the world, next to her da. Eeh. Well, was her da better than the priest? (GM)	На какое-то мгновение она почувствовала себя счастливой. Отец Оуэн – самый-пресамый лучший человек на свете, почти как папочка. Эээ... Почти или лучше?

Сопоставительный анализ показывает, что тенденция в выборе тактики передачи ошибок при использовании степеней сравнения выражена в поиске ближайших аналогий на соответствующем уровне языка перевода. Как представляется, в обоих примерах переводчику удалось сохранить колорит контамин

нации и адекватно транслировать речевую характеристику персонажа.

2. Использование форманта *‘-s’* во всех случаях образования множественного числа существительных:

Lizzie’s face darkened. “Those Flannagan womans are so ugly!” (GM)	Лицо Лиззи помрачнело. «Опять эти противозины из семейки Флэннаган!»

Изученный дискурсивный материал свидетельствует о том, что адекватно обыграть в переводе некорректное употребление грамматического числа удастся лишь в косвенных падежах благодаря системе окончаний (ср.: *ненавижу этих противных женщинов!*).

Попытка стилизации искажения существительного в именительном падеже, как правило, порождает надуманный, неуклюжий вариант перевода.

3. Оформление неправильных глаголов суффиксом *‘-ed’* для выражения прошедшего времени:

Remember I gaved you me thick skipping rope at the weekend, Mary Ann? (GM)	А помнишь, Мэри Энн, я всегда даваю тебе мою прыгалку на выходные?

4. Некорректное использование глагола 3 лица единственного числа, настоящего времени:

I puts me tongue out at her then (GM).	Тогда я покажаю ей язык.

В примерах (3) и (4), наряду с контаминированными формами глагола, наличествует ошибочное употребление личного местоимения *‘me’* вместо *‘tu’*.

Отметим, что в ряде случаев целесообразно пренебречь притяжательным местоимением, т. к., в соответствии с нормой русского языка, его трансляция ока

зывается не всегда уместной (ср.: 'показать кому-то свой язык' имеет иное значение в сравнении с фразеологизмом 'показать язык').

5. Слияние слова и следующей за ним частицы 'to' или предлога:

– <i>How do you know it's gonna work?</i> – <i>How do you know it's not gonna work?</i> (GHWG)	– Почём ты знаешь, что все получится? – А почём ты знаешь, что нет?

6. Опущение вспомогательных глаголов в различных синтаксических позициях:

– <i>Why you always have to win?</i> – <i>Because I been a good girl</i> (GHWG)	– С какой стати ты всегда главнее? – Потому как я такая хорошая!

Фрагменты (5) и (6) иллюстрируют типы речевых искажений грамматико-синтаксического уровня, которые не располагают эквивалентными соответствиями в строе русского языка. В связи с этим, для передачи такого внутрilingвистического феномена, как контаминация, переводчики прибегают к просторечным словам и конструкциям (*потому как, почём и под.*), которые отражают общую модальность разговорного регистра, к которому, в частности, тяготеет детская речь.

Таким образом, наблюдения относительно специфики речевой деятельности детей в художественном дискурсе показали, что персонажи дошкольного и

младшего школьного возраста осуществляют словотворчество с опорой на частотные речевые модели, которые ими усваиваются из окружающей среды. Общая типологическая картина образцов и шаблонов детского речетворчества, в целом, соответствует языковому узусу и, вследствие этого, получаемые инновации в большинстве случаев декодируемы. Вместе с тем, перед писателем, а, вслед за ним, и переводчиком стоит достаточно сложная задача найти такие лингвостилистические средства, которые могут максимально естественно и реалистично репрезентировать живой детский дискурс в пространстве художественного произведения.

Литература

1. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Наука, 1980. – 340 с.
2. Гвоздев, А. Н. Вопросы изучения детской речи / А. Н. Гвоздев. – М.: Детство-Пресс, 2007. – 472 с.
3. Детская речь: психолингвистические исследования / под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. В. Уфимцевой. – М.: Персэ, 2001.
4. Солнцева, К. В. Языковые маркеры речевой характеристики детского персонажа в англоязычной художественной прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. В. Солнцева. – М., 2008.
5. Цейтлин, С. Н. Язык и ребенок: лингвистика детской речи / С. Н. Цейтлин. – М.: ВЛАДОС, 2000. – 220 с.
6. Ярцева, В. Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
7. Cookson, C. A Grand Man / C. Cookson. – L.: Time Warner Paperbacks, 1990. – 141 p.

Информация об авторе:

Омеличкина Светлана Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 8(3842) 58-34-97, somel@mail.ru.

Svetlana V. Omelichkina – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of English Philology № 2, Kemerovo State University.